

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие · 7

1. Приложения и истории (введение) · 12

2. Парадокс за углом · 26

3. Теория в прикладном стиле · 56

4. Путь наименьшей теории · 90

5. Рациональный X · 132

6. Аппендиксит · 176

7. Кавер-версия · 205

8. От конкурентного равновесия
до дизайна механизмов за 18 месяцев · 241

9. Трилогия плацебо · 277

10. Тики-така (эпилог) · 303

Литература · 313

Предисловие

ЭТА КНИГА составлена из нескольких эссе о профессиональной культуре экономической теории. Когда теоретический результат «принимается всерьез» для экономических приложений и как теоретики пытаются повлиять на это? Что определяет, будет ли новое теоретическое направление развиваться в «фундаментальном» или «прикладном» стиле? Почему теоретические статьи стали такими длинными и как журналы и читатели справляются с этой тенденцией? Как теоретики реагируют на пристрастие экономистов к «рациональным» объяснениям человеческого поведения? Каждый из этих вопросов затрагивает нормы, которые экономические теоретики применяют, когда они создают, оценивают и распространяют свои исследования. Эссе в этой книге исследуют эти и другие вопросы. С их помощью я надеюсь пролить свет на нашу культуру — по крайней мере, такую, какой я ее воспринимал с начала этого века.

В некотором странном смысле эта книга является следствием пандемии COVID-19. Локдауны, закрытие школ и ограничения на поездки нарушили мои привычные рабочие ритуалы экономического теоретика (больше никаких набросков моделей в кафе и доказательств теорем в залах ожидания аэропортов) и неожиданно предоставили сравнительное преимущество другому типу проекта — не в области экономической теории, а о самой экономической теории:

проекту, который позволял мне обдумывать идею столько, сколько я хотел, и воплощать ее в коротких непредсказуемых периодах активной работы.

В то же время пандемия усилила ту степень самоанализа, которую требует написание текстов о культуре собственной области знания. Когда кризис стал глобальным в марте 2020 года, несколько членов моего международного исследовательского сообщества решили, что они не станут отсиживаться в стороне. Теоретики, ранее не проявлявшие склонности к прикладным исследованиям, внезапно начали писать работы о том, как эффективнее проводить тесты на вирусы или как улучшить эпидемиологические модели, чтобы они точнее учитывали поведенческие реакции на локдауны. Некоторые из этих работ были заурядной прикладной теорией, вдохновленной ситуацией, но другие содержали прямые политические предложения. Некоторые из нас утверждали, что временно вовсе отказались от экономической теории, осознав, что существуют более важные и срочные задачи.

Эта реакция продолжалась недолго. Но, с моей субъективной точки зрения, она отражала глубоко укоренившуюся тревогу по поводу роли теоретиков в экономической профессии и в обществе в целом. Теоретики живут с этой тревогой постоянно: свидетельство тому — наши бесконечные попытки писать статьи, которые могли бы заинтересовать «широкого читателя» (перевод: специалистов по экономике труда; они вовсе не «широкая публика» и у них есть дела поважнее, чем читать наши статьи). Кризис COVID-19 лишь вынес эту тревогу на поверхность.

Эта комбинация факторов подтолкнула меня попробовать то, что я давно хотел сделать: написать об экономической теории в стиле, который, как мне казалось, я видел в других дисциплинах, но не в своей.

Это включало бы немного интеллектуальной истории, но не было бы полноценным трактатом по истории экономической мысли. В нем была бы доля полемики, но это не была бы кампания в защиту какой-то конкретной позиции. Выбор тем и комментариев был бы субъективным, но обсуждения опирались бы на объективное, педагогически ориентированное изложение конкретных фрагментов экономической теории. Время от времени книга становилась бы технической, но не писалась бы исключительно для специалистов. И наоборот, хотя она представляла бы конкретные примеры экономической теории в намеренно доступной форме, это не была бы популярная наука. И она частично использовала бы мой собственный профессиональный опыт, но это уж точно не была бы «научная автобиография».

Вместо этого это был бы сборник «культурной критики» от практикующего теоретика: не философа или историка, который воспринимает эту культуру издали, и не аристократа профессии, потерявшего связь с повседневной практикой экономической теории. Слишком часто наше сообщество оставляет задачу «говорить о профессии» своим величайшим авторитетам. Но разве не интереснее услышать перспективу активных теоретиков, пока не вошедших в «палату лордов» профессии? Конечно, в последние годы социальные сети переполнены академическими комментариями растущего и разнообразного круга экономистов. И все же остается большая разница между кратким и перепрыгивающим с темы на тему тредом в социальной сети, каким бы острым и выразительным он ни был, и размеренным, обстоятельным и тщательно организованным эссе — жанром, к которому принадлежат главы этой книги.

Есть и еще один фактор, обусловивший написание этой книги. В 2015–2021 годах я был сначала со-

редактором, а затем главным редактором журнала *Theoretical Economics*. Этот опыт дал мне несколько поводов поразмышлять о нашей профессиональной культуре и время от времени попытаться слегка подтолкнуть ее в том или ином направлении.

Кто является целевой аудиторией этой необычной «культурной критики экономической теории»? Бесспорно, я буду рад, если члены моего исследовательского сообщества экономических теоретиков прочитают ее и найдут повод для размышлений. Надеюсь, их заинтересует «культурно-критический» взгляд на классические работы последней четверти века, и они сочтут целесообразным указать книгу в качестве дополнительного чтения в курсах экономической теории уровня магистратуры (основных или продвинутых). Однако я также обращаюсь к экономистам из других областей, которые нередко смотрят на теоретиков одновременно с недоумением, озадаченностью и неодобрением. Я сам с большим интересом прочитал бы интроспективный анализ профессиональной культуры, скажем, прикладной микроэкономики. Поэтому я надеюсь, что академические экономисты самых разных направлений заинтересуются моим текстом. Философы и историки науки могут использовать содержание книги как ценный базовый материал для своего более профессионального и систематического обсуждения методологии и социологии современной экономической науки. Наконец, я постарался сделать так, чтобы отдельные технические обсуждения были на уровне, доступном читателям с минимальной магистерской подготовкой по экономической теории. Те читатели, которые часто сталкиваются с разгромными отзывами об экономической теории в популярной и социальной медиасреде, возможно, захотят узнать, как эта загадочная культура выглядит изнутри.

Я благодарен Яиру Антлеру, Орону Даниэли, Кфиру Элиазу, Натану Ханкару, Эльханану Хелпману, Микеле Пиччоне, Ариэлю Рубинштейну, Хайди Тисен и Дану Зельцеру за их комментарии к раннему варианту книги и за их общую поддержку этого проекта. Я также получил пользу от комментариев к отдельным главам от Дуарте Гонсалвеша, Стивена Морриса и Филиппа Штрака. Туваль Даненберг помог в подготовке указателя и библиографии и предложил отличные дополнительные комментарии по содержанию. Наконец, я хотел бы поблагодарить Эмили Табер, редактора MIT Press, постоянный обмен мнениями с которой помог мне улучшить книгу. За все сохранившиеся в тексте неудачные и самоироничные шутки отвечаю только я.

Ран Шниглер
Тель-Авив, сентябрь 2022 года

Приложения и истории (введение)

Угнетаемые стали угнетателями

В ЭПИЛОГЕ своей нашумевшей книги «Практически безвредная эконометрика» Джош Ангрис и Стив Писке пишут: «Если бы прикладная эконометрика была легкой, ей бы занимались теоретики»¹. По меркам академического юмора это смешная шутка. Но поскольку шутка стоит в конце книги, а ее авторы не проявляют ни малейшего интереса к экономической теории (да и с какой стати?), она выглядит лишней. И заставляет читателя искать за ней скрытое раздражение.

Такое недовольство в адрес экономической теории и экономических теоретиков авторы вполне могли испытывать во время своей учебы в аспирантуре. Конец 1980-х годов стал пиком статуса экономической теории в рамках экономической профессии. Экономическая теория прошла через так называемую революцию теории игр и была занята переписыванием учебников по экономике для уровня аспирантуры. В аспирантских программах большой акцент делался на абстрактном формальном моделировании и сопутствующих математических методах. Это вызывало недовольство студентов, у которых были иные причины для выбора академической карьеры в экономике.

1. Angrist and Pischke (2009).

Дэвид Коландер и Арьо Кламер уловили это настроение в статье для *Journal of Economic Perspectives* под названием «Как становятся экономистами», которую они позже расширили до книги². В интервью со студентами ведущих аспирантских программ они отметили, что их собеседникам не нравилась чрезмерная роль экономической теории и математических методов в учебном плане:

Что касается того, что им нравилось меньше всего, то большинство комментариев касалось перегрузки математикой и теорией и отсутствия связи изучаемого материала с реальностью.

Тем не менее студенты понимали культуру, в которую они были погружены:

Они уверены, что формальное моделирование важно для успеха, но не уверены, что формальные модели дают глубокое понимание или отражают прочное знание экономических институтов, которые моделируются. Полагая так, они хотят обучаться тому, что ценно для их профессии. Поэтому мы видим, что студенты, считающие, что им не преподают самую сложную теорию, чувствуют себя обделенными и несчастными, потому что переживают за свою конкурентоспособность.

Ощущение, что «настоящие экономисты» угнетаются субкультурой, фетишизирующей формальное моделирование и математический блеск, постоянно всплывает время от времени. Вот памятная цитата Тома Пикетти:

...экономическая наука так и не избавилась от детского пристрастия к математике и чисто теорети-

2. Colander and Klammer (1987, 1990).

ческим и зачастую очень идеологическим рассуждениям, которые препятствуют историческим исследованиям и сближению экономики с другими социальными науками³.

Иногда к этому настроению добавляются политические оттенки. Знаменитая статья Пола Кругмана в *New York Times* в 2009 году «Как экономисты могли так ошибаться?» связывала его с политическим консерватизмом и сильной верой в постулаты рационального выбора и конкурентных рынков:

Экономическая профессия сбилась с пути, потому что экономисты как сообщество приняли красоту, облаченную во впечатляющую математику, за истину... По мере того как воспоминания о Великой депрессии угасали, экономисты снова влюбились в старый, идеализированный образ экономики, где рациональные индивиды взаимодействуют на совершенных рынках — образ, на этот раз приукрашенный модными уравнениями... Главной причиной провала профессии стало стремление к всеобъемлющему, интеллектуально изящному подходу, который также давал экономистам возможность продемонстрировать свои математические способности⁴.

Претензия Кругмана была направлена на макроэкономическую, а не на микроэкономическую теорию (именно с ней большинство академических экономистов связывают термин «экономическая теория»), но недовольство то же самое: культура, влюбленная в «модные уравнения», уводит экономическую науку с правильного пути. Важно, что Кругман ста-

3. Piketty (2014, p. 32); Пикетти (2016, с. 50).

4. <https://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html>.

вит «любовь к теории» в один ряд с верой в рациональность и рынки (и неявно — с правой политикой). Он не единственный, кто прибегает к этому приему⁵, и я не единственный, кто это заметил⁶.

Эти жалобы на неоправданное господство теории в экономике со временем стали встречаться реже. После того как «революция теории игр» завершилась и учебники были переписаны, экономическая теория вступила в фазу консолидации и постепенно вновь заняла свое традиционно маргинальное место в профессиональном ландшафте. В то же время статус эмпирических исследований в экономике резко возрос. Увеличение вычислительных мощностей, распространение больших массивов данных и возросшая уверенность в используемых методах сделали эмпирических экономистов более довольными существующим положением дел. У них появилось ощущение, что дисциплина движется в правильном направлении и становится более научной. Когда Дэвид Коландер в 2007 году написал продолжение статьи «Как становятся экономистами», он с удовлетворением отметил, что через 20 лет после оригинальных интервью Коландера и Кламера студенты ведущих аспирантских программ спокойно воспринимали более скромную роль теории в своем образовании⁷.

Действительно, баланс сил между теоретиками и «настоящими экономистами» изменился. Возник популярный нарратив: когда-то данные были в дефиците, и поэтому экономический анализ приходилось строить на теоретических аргументах, но теперь данных достаточно, мы умеем с ними работать, и теорети-

5. Kay (2012).

6. См. ответ Майкла Вудфорда на статью Кея: Woodford (2011).

7. Colander (2007).

ки могут вернуться на заднее сиденье, где им и место; пациенты больше не должны управлять больницей.

Параллельная тенденция, которая может быть связана с этим, а может и нет, — это перспективы карьерного роста за публикации в журналах, которые мой давний соавтор Кфир Элиаз называет «дай пять»⁸. Эта тенденция стала настолько сильной, что теперь ее называют «проклятием» или «тиранией» «топ-5»⁹. Так как представители этого могущественного кулака позиционируют себя как журналы «для широкой аудитории», от авторов ожидается обращение к «широкому читателю», который, разумеется, не является теоретиком. Это еще больше сдвигает баланс сил. Теоретики уже не могут довольствоваться тем, что удовлетворяют друг друга; они заняты тем, чтобы угодить представителям других направлений.

Такой подход как улица с односторонним движением: специалисты по экономике труда вряд ли думают о теоретиках, когда отправляют свои работы в журналы «топ-5», тогда как от теоретиков ожидается, что они представят себя специалистами по экономике труда. Выдающийся теоретик Дебраж Рэй, до недавнего времени соредактор *American Economic Review*, однажды сказал мне, что его редакторские решения по теоретическим статьям руководствуются тем, что он называл «тестом Марка Гертлера» — а именно сможет ли он успешно «продать» статью своему коллеге из Нью-Йоркского университета, ведущему макроэкономисту Марку Гертлеру. Я ответил, что мне интересно, применил бы Гертлер «тест Дебража Рэя», если бы он рассматривал макроэкономическую статью как редактор *American Economic Review*.

8. *Quarterly Journal of Economics*, *American Economic Review*, *Econometrica*, *Journal of Political Economy*, *Review of Economic Studies*.

9. Heckman and Moktan (2020).

Прикладное измерение

Тревога теоретиков по поводу их места в более широкой экономической среде не новость. Помню, как в 2000 году мы с Кфиром Элиазом поехали в Бильбао на первый Всемирный конгресс Общества теории игр. Я недавно закончил свою докторскую диссертацию; Кфир был близок к завершению своей. Мы наблюдали за коллегами, заполнившими большие залы конференции, и играли в глупую игру «Экономист или модельер»: задача заключалась в том, чтобы отнести каждого старшего теоретика, которого мы видели, к одной из двух категорий — «настоящий экономист» или «простой модельер» (мы двое, разумеется, явно относились ко второй категории).

Тем не менее давление на теоретиков, которое заставляет их определять себя по отношению к прикладным экономистам и искать их признания, лишь усилилось за последние два десятилетия. Для недавней иллюстрации достаточно вспомнить Нобелевскую премию по экономике 2020 года, присужденную Полу Милгрому и Роберту Уилсону. Любой теоретик согласится с тем, что это два более чем достойных лауреата, внесших выдающийся вклад в экономическую теорию. И все же значительная часть информации, предоставленной Нобелевским комитетом в обосновании премии, была посвящена их практической работе над дизайном аукционов по заказу правительств или частных компаний¹⁰. Комментаторы уловили этот посыл. Так, Тайлер Коэн написал в своем блоге:

10. Royal Swedish Academy of Sciences (2020).

Вывод? Если вы теоретик, Стокгольм советует вам разработать практические приложения... Сами по себе лауреаты, безусловно, достойны награды и уже многие годы фигурировали в обсуждениях Нобелевской премии. Но снова мы видим, что комитет проводит четкие линии¹¹.

Стремление быть практически полезным, пожалуй, самая мощная сила, действующая на экономических теоретиков сегодня. В этой книге у нас будет много возможностей увидеть результат этого «прикладного измерения».

Эстетическое измерение

Другое измерение представляет собой взгляд на экономическую теорию, который делает упор на «художественные» или «эстетические» ценности — в частности, на то удовольствие, которое мы испытываем, сталкиваясь с хорошей историей, изложенной на языке формальной экономической модели. Вот что сказал Роберт Лукас в 1988 году в прекрасной речи на выпускной церемонии для студентов Чикагского университета, которая позднее была опубликована под названием «Что делают экономисты» (и важно для нашего повествования, что Лукас был главным злодеем в нарративе, который придумал Кругман в своей журналистской статье 2009 года):

У экономистов есть образ практичности и житейской мудрости, которого нет у физиков и поэтов. Некоторые экономисты заслужили этот образ. Другие — я сам и многие мои коллеги здесь, в Чикаго, — нет. Не уверен, воспримете ли вы это

11. Cowen (2020).

как признание или как похвалу, но мы, по сути, рассказчики, создатели воображаемых экономических систем... В любом случае именно этим и занимаются экономисты. Мы — рассказчики, которые большую часть времени действуют в мире вымысла. Мы не считаем, что область воображения и идей является альтернативой практической реальности или бегством от нее. Напротив, это единственный способ, который мы нашли, чтобы серьезно размышлять о реальности¹².

Не знаю, разделял ли эти мысли Лукас на более позднем этапе своей жизни, но уверен, что Ариэль Рубинштейн считает так же. В различных лекциях и эссе, таких как его президентская речь в Эконометрическом обществе или книга в жанре популярной науки с красноречивым названием «Экономические притчи»¹³, Рубинштейн представил наиболее явное понимание экономических моделей как историй. По его мнению, наша реакция на успешную экономическую модель подобна реакции на хорошую притчу. Это не научная, а «художественная» реакция. Это признание того, что модель предлагает абстрактное представление реальности, которое мы воспринимаем как поучительное — так, что мы не можем или не хотим подвергнуть его строгой научной проверке.

Проставляя галочки

Культуру экономической теории можно рассматривать как сложное маневрирование между прикладным и эстетическим, «научным» и «художествен-

12. Lucas (2011).

13. Rubinstein (2006, 2012).

ным». Профессиональная идентичность теоретика во многом определяется тем, как он сам себя позиционирует в пространстве, задаваемом прикладным и эстетическим измерениями.

Разумеется, система ценностей теоретиков не является двумерной; они используют дополнительные критерии, чтобы направлять собственную работу и оценивать работу коллег. Один из таких критериев — техническое мастерство. Склонность к математике выше среднего — ключевая часть самооценки многих теоретиков: здесь Кругман оказался прав! Чувство математического превосходства дает теоретикам частичную компенсацию за чувство неполноценности по измерению «практической полезности». По мере того как последнее становилось более острым, теоретики ощущали необходимость удвоить усилия по первому направлению. За последние два десятилетия экономическая теория стала внешне более технически требовательной.

Другой критерий — концептуальные новации, миссия по расширению границ того, что формальные модели могут сказать об экономическом поведении. В революционные 1970–1980-е годы, когда экономическая теория оказывала свое «угнетающее» влияние на остальную часть экономической профессии, расширение языка экономики было общей центральной миссией теоретиков. Даже в сегодняшней постреволюционной фазе наша культура все еще вознаграждает теоретиков за продвижение концептуальных границ экономики (хотя спрос на такого рода работу сейчас, по-видимому, слабее).

Эти четыре координаты — прикладное, эстетическое, техническое и концептуальное — всегда формировали профессиональную культуру экономической теории. Изменения в нашей культуре сводятся к изменениям относительных весов, которые мы им

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru